

РЭЙЧЕЛ ХОХХАУЗЕР

ЛЕДИ ТРЕМБЕЙН

ЗОЛУШКА И МАЧЕХА:
КОНЕЦ СТАРОЙ СКАЗКИ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44
X 86

Rachel Hochhauser
LADY TREMAINE
Copyright © Rachel Hochhauser, 2026
All rights reserved

Перевод с английского Дениса Попова
Оформление обложки Татьяны Павловой

ISBN 978-5-389-31195-4

© Д. В. Попов, перевод, 2026
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

ГЛАВА 1

С раннего детства меня наставляли остерегаться незнакомцев в лесу. Одинокий чужак в полумраке чащи определенно не из тех, кому можно доверять. И уж точно в лесу прячутся такие, с кем лучше не встречаться вовсе. Разбойники и бродяги. Жутко обезображенные изгои — с отрубленными за воровство пальцами и отрезанными за клятвопреступление губами и языками, с гниющей от всевозможных болезней плотью. Но точно так же, как в сумраке можно спрятаться или остаться неузнанным, в нем можно найти уединение и покой — а если присмотреться повнимательнее, то и красоту. Лесная тьма сулит отдохновение от бдительных взоров, непреложных правил, неудобных юбок и неукоснительного соблюдения женщинами норм поведения в обществе. Это всегда представлялось мне удачной сделкой: всего-то пара часов темноты в день в обмен на свободу.

Вот только когда раздался треск ветки и я увидела мужчину, меня охватил страх. Поначалу только и бросилось в глаза, что его борода да стальной меч. Все эти предупреждения, что я слышала на протяжении многих лет: оставаться на свету, не заходить далеко в одиночестве, не искушать судьбу, — разом припомнились мне с одним судорожным вздохом.

В то утро, еще совсем раннее, я наведывалась в место, заходить куда мне не полагалось. И неважно, если незнакомец не замышлял против меня ничего дурного. Страх может обратить человека в зверя. Понимаете, ведь для мужчины я тоже была чужаком в лесу.

День начался как обычно. Еще до рассвета я уселась на кровати и нащарила ногами на холодном полу домашние туфли. Торопливо набросила на себя платье и капот, поскольку даже слюдяные стекла заиндевели. Натянула кожаную перчатку для соколиной охоты и осторожно разбудила Люси, которая спала, сунув голову под крыло.

Обычно соколов в спальне не держат, но больше никаких послаблений я ей не делала. Все прочее было строго вымерено, рассчитано, организовано, ограничено. Я привязывала птицу к насесту и почти ежедневно взвешивала ее на медных весах. Летала она только с моего разрешения. И я просто не могла не баловать ее хотя бы капелькой тепла по ночам.

С Люси, сидящей на перчатке и привязанной опутенками к самому моему телу, я вышла в темный коридор и, держа птицу, словно фонарь на вытянутой руке вверху перед собой, на ощупь двинулась вдоль стены. Мимо двери в спальню Розамунды. Мимо спальни Матильды. Мимо лестницы, ведущей наверх к Элин. Тихонько ступая по истертой дорожке в середине ковра.

Из темноты позади донесся тихий шум, и я обернулась. За приоткрытой дверью стояла моя старшая дочь, лишь лицо ее освещалось мерцающим огоньком свечного огарка.

— Только не говори: «Сегодня не получится, давай как-нибудь в другой раз», — прошептала Матильда.

— Встретимся за завтраком, — нахмурилась я.

— Нас никто не увидит, — запротестовала она. — Я помогу тебе.

Люси вонзила когти глубже в перчатку, и я поднесла ее поближе к себе.

— Иди спать.

Свеча горела не столь уж и тускло, чтобы от меня укрылась пробежавшая по лицу Матильды тень недовольства. Дочь молча закрыла дверь, оставив меня и дальше брести на ощупь во тьме. Все равно это ничего не меняет, мелькнуло в голове. Совсем скоро весь мир и его спящие дочери обратят свои лица к свету.

На кухне Вентелен, коренастая и краснолицая, наблюдала за клокочущим над очагом котелком. Под лучинами уже собрались кучки пепла. Пахло вареными овощами.

— Попробуйте-ка. — Она зачерпнула ложкой из посуды.

— Уверена, что получилось...

Однако деревянный прибор бесцеремонно ткнулся мне в рот. Вентелен, умелая кухарка, претендовавшая на лавры великого повара, выжидающе загремела посудой.

— Удовлетворительно, — закончила я, когда проглотила.

Если честно, похлебке недоставало соли и аппетитного аромата мяса, хотя касательно второго жаловаться я была не вправе: ранее сама настояла на покупке фунта сахара вместо говяжьей пашины.

Вентелен сделала шаг ко мне. Ложка в руке у нее дернулась.

— Очень вкусные овощи! — вскричала я, отступая и наталкиваясь спиной на только что вошедшую на кухню Алису. Вентелен да Алиса — вот и вся наша прислуга. — Кажется, отдает специями? Из простого пастернака ты умудрилась сотворить сущий шедевр!

— Крыша протекает еще больше, — невозмутимо сообщила Алиса.

Я повернулась к ключнице — серые глаза, седые волосы, стянутые в пучок столь туго, что разгладились морщины на лбу, — и нахмурилась:

— После дождя ты всегда это говоришь.

— Так льет не переставая, — и не подумала сдаваться Алиса, спокойная в той же степени, в какой Вентелен была взвинчена. — Надо бы починить. Мы неплохо заработали на вышивке Розы.

— Эти гроши отложены для галантерейщицы.

— Вызовите кровельщика, — скрестив руки, продолжала настаивать ключница.

— Девочкам нужны кружевные рукава.

— Кружевные рукава, — фыркнула Вентелен, возившаяся у очага. Завидев выражение моего лица, она поспешно добавила: — Мадам.

Я уже видела на дамах игольные и коклюшечные кружева, как выглядывающие из выреза, так и собранные в воздушные манжетки.

— В этом году все носят светлые оборки. А мир суров к тем, кто не следует его правилам.

Алиса сняла с крючка мою старую накидку, встряхнула ее, расправляя вывернувшийся карман. И промолвила:

— Однако, несмотря на это, каждое утро вы наряжаетесь как свинопас.

— Кто же охотится в шелках, — парировала я, вырывая у нее накидку.

— Возможно, лучше было бы искать добычу днем, — заметила ключница, покосившись на темные окна.

— Лучше было бы, если бы я охотилась просто для удовольствия.

Вентелен погрузила ложку в варево и принялась исто-
тово мешать его.

— Мы могли купить мясо, если бы вы не потребовали сахар!

— Без сладкого и гостей не принять.

Кухарка лишь вздохнула и цокнула языком соко-
лихе:

— Что ж, Люси, тогда постарайся добыть нам что-
нибудь на ужин. — Затем она повернулась к Алисе: —
Ну-ка, попробуй, что у меня вышло.

— Соли маловато... — начала ключница.

Я поспешила ретироваться.

Согласно карте, мне принадлежит земельный участок. Однако карта — это ведь только условное обозначение. Нет у нее подлинной связи с территорией, это всего лишь искусственное отражение, бледное подобие, отзвук реальности. Карту составляют, а потом земля меняется, но вот ее план — нет. И все равно мы почитаем карты, будто они представляют собой непреложный закон, трактующий границы участков как нерушимые и позволяющий считать землю «вашей», «моей», «нашей», «их», «его». Реже «ее».

Тем не менее карта настаивает, что я действительно владею кое-какой землей. Произошел сбой в системе: мой супруг умер, не оставив после себя наследников

мужского пола. «Его» стало «ее». И линия на карте обводит мою собственность — расположенный рядом с речкой, но не примыкающий к ней участок. На бумаге этот мелкий водный поток отображен другой линией — извилистой синей, тонкой и едва заметной.

Поскольку эта извилистая синяя линия мои земельные владения не пересекает, то и по части живности, на которую можно охотиться, участок наш оставляет желать лучшего. Куропатки, перепелки и фазаны держатся поближе к пронизывающим местность речкам и ручьям. И потому ради достижения цели своей утренней рутины я частенько пренебрегаю границами на карте.

Что, вообще-то, противозаконно.

Охота не задалась с самого начала. И вот солнце уже поднялось над горизонтом, а удача нам так и не улыбнулась. Ни следа дичи, и мы не сделали ни одного налета, даже неудачного. Люси выжидающе сидела высоко на ветке наверху, а я медленно бродила под ней, шаря в терновнике палкой и надеясь спугнуть фазана. Почва была мягкой и вязкой. Я следила за кустами, а Люси следила за всем вокруг — за водоворотами в речке, за дрожащими на ветвях листьями, колышущимся, словно от вздохов, за туманом над травой.

Соколам для охоты требуется раздолье: взлетают они высоко, а пикируют до самой земли. Им нужны небо, пространство и скорость — тогда они чувствуют себя в своей стихии.

На другом берегу речки растительность редела, и в полог леса широкими участками вдавалось небо — простор, обещающий живность. Вот только пересечение водной преграды несло тот же символизм, что и са-

ма река. На одном берегу — это просто не совсем законная охота. А вот на другом — однозначно наказуемое браконьерство в королевских угодьях.

Словно бы уловив мое намерение, Люси съежилась, и ее тельце стало таким гладким на вид.

— Все в порядке, — заверила я ее. — Перепелкам и куропаткам нет никакого дела до карты. Всего три налета, и мы вернемся на свой берег.

Птица вяло закрыла глаза и вновь открыла их.

Я нагнулась, подобрала юбки и одним отточенным движением связала их в узел между ногами. Бревен или валунов для переправы поблизости было не видеть, так что я просто разбежалась, прыгнула через речушку и приземлилась в топкую глину на другой стороне, намочив подол и забрызгав голени черным илом. Затем огляделась. У леса есть глаза, но дар речи ему недоступен: можно было не опасаться, что он наябедничает.

В колдовство я не верила, равно как и не считала членов королевской семьи богоподобными, однако было в их земле нечто особенное. Пробираясь через подлесок, я тыкала повсюду палкой. Терновник, папоротник, падуб. Спутанные заросли лоз, кусты боярышника с красно-оранжевыми ягодами, ярко-зеленые поросли шиповника. Воздух был неподвижен, и я остановилась и сделала глубокий вдох. Здесь, на местности более просторной и солнечной, запах сырости — разложения и вянущей листвы — воспринимался совершенно иначе, внушая мысль о безмятежном, потаенном плодородии, и этот аромат успокаивал меня. Я сощурилась, выглядывая на клочке белого неба устремившуюся ввысь Люси.

Сокол — тварь кровожадная. Уничтожение у него в крови. Готовясь к краткому мигу атаки, его тело тикает живее самых быстрых часов. Тик. — Движение век. —

Так. — Поворот головы. — Тик. — Налет, столь стремительный, что человеческий глаз запечатлевает лишь серый штрих в небе. Время истекает. Птица отбрасывает всякую величавость и превращается в то, чем она и должна быть, чем и рождена быть, и тиканье переходит в рев.

Судя по звону бубенчика на Люси, она пронеслась быстрее, чем я могла бы уследить, и в следующее мгновение уже оказалась передо мной, в молниеносном пикé со сложенными крыльями, вжатой в плечи головой и отведенными назад лапами. Птица яростно врезалась в куст, и до меня донеслись треск ломающихся веток и хлопанье крыльев. Кролик был мертв прежде, чем я узнала о его существовании: отталкивающая сцена промелькнула перед глазами за какие-то пару мгновений.

Обычно соколы охотятся на других пернатых — голубей, куропаток, чирков, — и для сокола размера Люси кролик стал неожиданной удачей.

— Люси, кролик! Вот здорово! — вскричала я. — Вот видишь? — Я указала на речушку. — Тебе только и нужно было, что чуть побольше пространства!

Я подошла к птице. Как только не воспевают благородство охоты — и все-таки сначала совершается убийство, с которым приходится мириться. Люси сидела, погрузив когти в окровавленные кишки животного. Ничего женственного в этом не было. И чистого тоже. Но мясо необходимо нам на ужин — такова жизнь.

Голодная хищная птица не способна устоять перед кровью, и для того, чтобы отвлечь ее от добычи, существует особый прием. Я извлекла из кармана птичий желудок и, опустившись на колени, протянула его Люси. Привлеченная запахом потрохов, она перевела взгляд на мои пальцы. Тем временем другой рукой я набрала не-

сколько горстей влажных листьев и присыпала ими мертвого кролика. И когда птица повернулась обратно к своей жертве, глазам ее предстала лишь лесная мульча. Она снова взглянула наверх — там ее по-прежнему ожидал желудок. Люси с готовностью перебралась на мою перчатку полакомиться. Затянув у нее на лапах опутенки, я повесила кролика на пояс, где он уже не попадет на глаза хищнице.

Перебравшись через речку обратно, я снова вышла на неровную тропинку.

— Готова поспорить, девочки все еще дрыхнут, — обратилась я к Люси, которая, по своему обыкновению, меня проигнорировала. — Нежатся в своих теплых постельках.

Постепенно деревья редели, и впереди уже показалась изрезанная колеями дорога.

Я так и видела всех своих домочадцев: Розамунду и Матильду с разметавшимися по подушкам темными волосами в смежных спальнях. Элин наверху. Вентелен и Алису на кухне внизу. Наше немногочисленное собрание тел, последняя линия обороны против захвата особняка природой. Неважно, спящих или бодрствующих, всех нас вместе несло вперед время. Каждый день новая поломка: расшатавшийся кирпич, треснувшая стена. Тоненькие руки, пытающиеся удержать проваливающуюся крышу.

Руки в кружевах.

Алиса могла сколько угодно брюзжать, а Вентелен фыркать, но кружева и сахар — а также содержание приличной кареты, пара-другая хороших перчаток и множество прочих мелочей — были вещами необхо-

димыми. Для защиты нужна раковина или хотя бы ее видимость. В угоду красивой картинке вся наша жизнь превратилась в сущее театральное представление. Даже платья у нас были такими же складчатыми и тяжелыми, что и занавес помпезной сцены. Светские приличия — спасательная лодка, которая понесет девочек по тихому течению стабильности, напрямик к безопасным берегам брака. Протекающая крыша не станет их тревожить, если они переселятся под новую.

Люси моргнула и вдруг стремительно выпрямилась, повернув голову и подавшись вперед. Это быстрое движение послужило предупреждением. Вес птицы сместился у меня на кулаке. Она знала о том, что произойдет, еще за мгновение до события. И Люси не ошиблась: впереди раздался треск — звук, который обязательно обратит на себя внимание и который ни с чем не перепутаешь: хруст сухой ветки, сапог на ломком валежнике.

Я замерла, надеясь, что в сумраке леса буду незаметна. Впереди, на тропе вдоль речки, лицом к дороге стоял какой-то темноволосый мужчина.

Охотилась я на рассвете не из прихоти. Как правило, только в это время можно наслаждаться уединением. Хотя дорога к столь раннему часу уже оживает, мало у кого возникает желание спуститься к воде, пока небо еще не очистилось от мрака ночи. Никаких свидетелей, способных провести параллель между охотницей-замарашкой и хозяйкой расположенного неподалеку поместья. Меня гораздо меньше тревожила угроза физического насилия со стороны незнакомца, нежели вероятность того, что он меня узнает. Мой нынешний внешний вид — вся заляпанная грязью, с хищной птицей на руке идохлым кроликом на поясе — не подобал не только женщине моего статуса, он осрамил бы любого в нашей усадьбе.

Пока что чужак меня не видел. С одной стороны бежала речка, пересечь которую я, конечно же, уже не могла. С другой высился крутой, густо поросший кустарником склон. И мне, зажатой между воображаемой ограничительной линией королевских угодий и откосом в терновнике, оставалось либо двигаться по тропе вперед, либо повернуть назад. Шипы настоящие или шипы символические, королевские, незнакомец или ненужное мне направление — таков был выбор. Однако Люси лишила меня возможности незаметно скрыться. Уловив мой страх, она взмахнула крыльями — а поскольку птица линияла, то в воздух взметнулось облачко перьев — и дернулась с перчатки, давая выход своей ярости и панике. Натянулись опутенки, звякнули бубенчики.

Сокол — птица жестокая. Сильная и быстрая. Черная голова, оранжевые зрачки и тельце цвета стальных доспехов — Люси, сидевшая на моей руке, запросто могла бы внушить несведущему человеку мысль, что в ее лице я располагаю настоящим оружием или, по меньшей мере, надежным помощником. Во всяком случае, мне доводилось сталкиваться с такими, кто полагал, будто я могу приказать птице напасть, вцепиться в горло или другие мягкие части тела. Но, хотя Люси всецело была приспособлена для убийства, насилие для нее служило лишь выживанию. И любого возомнившего, что в случае опасности соколиха может прийти хозяйке на выручку, я бы поправила: понадобится — она за просто выключет мне глаза.

Я осторожно достала из кармана клубочок и надела его Люси на голову, на краткое мгновение прикоснувшись к ее крошечному черепу. Более неспособная видеть, птица успокоилась. Когда я снова подняла взгляд, незнакомец уже смотрел на нас.

— Доброе утро, — кивнула я.

— Доброе утро, — отозвался он — хотя, судя по тону, таковым оно ему не представлялось.

Впрочем, мое беспокойство несколько улеглось: в речи мужчины различался акцент, явление в нашем маленьком королевстве довольно редкое. Вряд ли он меня опознал.

Я окинула чужака внимательным взглядом: черные волосы, темные глаза. Одежда из грубого сукна ручного прядения, как у крестьян; на поясе полторный меч, практически без знаков отличия. На вид как будто простолюдин. Однако полностью расслабляться я себе не позволила: все-таки сапоги на нем достаточно приличные, чтобы задуматься, не краденые ли они, а меч без символики хоть и не отличается щеголеватостью, выглядит истертым — в ход его определенно пускают часто.

Незнакомец, в свою очередь, смерил взглядом нас: женщина с ловчей птицей идохлым кроликом.

— Вы поймали кролика. — Чуть помолчав, мужчина указал пальцем на Люси: — С этой птицей?

— Это она поймала кролика, — поправила я.

В своем украшенном плюмажем клобучке Люси на моей руке выглядела эдаким миниатюрным воином в парадном облачении.

— Вы ее дрессировали?

Я кивнула, но вдруг обеспокоилась, что чужаку захочется отнять у меня птицу. И пояснила:

— Она слушается только меня.

— И много здесь кроликов?

— Они по природе своей плодовиты.

Я небрежно пожала плечами. Да вот только здешние леса обилием живности не отличались, уж точно не этот берег реки.

Мужчина пристально посмотрел на мои юбки, все еще связанные узлом.

— С местностью вы знакомы. — Если это и замышлялось как вопрос, то прозвучало как утверждение.

К допросам я не привыкла. И парировала:

— Природу может изучать любой.

— Только не в том случае, когда это чужая земля.

Я вздернула подбородок и надменно воззрилась на незнакомца. Выражение его лица оставалось непроницаемым.

— Это ничейная территория. И я что-то не слышала, чтобы в этот лес назначили смотрителя.

Мужчина нахмурился.

— Если вы поймали кролика на другом берегу реки, — он указал рукой, — то там королевская земля.

— Хм, к счастью для меня, кролик находился на этом берегу.

— На этом, — повторил он, не сводя глаз с моего мокрого подола.

Однако я не ответила, поскольку вдруг разглядела, что происходит на дороге у него за спиной.

Впереди за деревьями в грязи застряла карета. Четверка лошадей безуспешно силилась вытянуть экипаж. Сердце мое учащенно забилося, а под ложечкой засосало, поскольку, хоть кузов казался небольшим, окна в нем все же были стеклянными, а на дверях красовался золоченый герб. Карета явно королевская.

Вообще-то, боковая дорога, что тянется вдоль моего дома, довольно оживленная. Но за последние недели до меня доходили кое-какие слухи, и потому я знала, что карета, скорее всего, не проедет мимо наших ворот. У железной арки она свернет с накатанного пути и двинется по нашей заросшей подъездной дорожке, чтобы

остановиться на гравийной площадке перед парадным входом.

И я — Леди Дохлого Кролика, Леди Грязи — должна распахнуть дверь и принять пассажиров кареты. (Разумеется, я никак не могла сделать этого, стоя в четверти мили от своей усадьбы, заляпанная илом и занятая пикировкой с незнакомцем.) И дело заключалось не просто в гостеприимстве и вежливости — если слухи не врани, было исключительно важно, чтобы я находилась дома, встретила экипаж и получила доставленное гонцом послание. На кону стояло само наше будущее — будущее женщин, пытающихся тоненькими руками удерживать тяжеленную крышу.

— Я должна идти.

Пришлось сделать усилие, чтобы в голосе не звучала тревога.

— Вы без сопровождения, — заметил мужчина. — Как вы можете разгуливать здесь одна?

В отдалении лакей спустился с козел и принялся осматривать колесо.

Собравшись с духом, я снова встретила взглядом с чужаком. Нужно было спешить, а если бы тип собирался ограбить меня, а то и еще что похуже, то давно бы уже это сделал.

— По-моему, объяснений не требуется. Я множество раз без всяких происшествий ходила в лес одна.

— Самонадеянность — спутник опасный.

Тут уж мое терпение лопнуло.

— Позвольте заметить, господин, как раз вы сами и внушаете подозрения, представляясь довольно опасным спутником! Будьте так добры, отойдите в сторонку, мне надо идти!

Незнакомец вскинул голову и сверкнул глазами:

— Смотрите, чтобы я не встал у вас на пути. — Когда я уже удалилась от него на несколько шагов, он крикнул мне вслед: — И лучше все-таки не ходите в лес одна!

Я так и не поняла, что это было: угроза или предостережение. Общество не имеет ничего против одиноких женщин в лесу. Потому что, какая бы история с ними ни стряслась, какие бы скорбные исходы мы ни оплакивали, еще мы неизменно вздыхаем с облегчением. Они пренебрегли предупреждениями. Сам путь, что они избрали, на который вступили — малохоженный, да еще и темный, — позволяет не испытывать сострадания. Эти женщины нарушили правила. Сами напросились. Сами навлекли на себя жестокость. Вот с нашими дочерьми, сестрами, матерями — которые прилежно соблюдают правила, благочестиво прислушиваются к предостережениям, — ничего такого не случится.

Впереди лакей подсовывал под колесо ветки. Несмотря на золоченые символы на борту кареты, свита или охрана экипаж не окружала — верный признак того, что пассажир только гонец. Но ведь послания бывают и судьбоносными. Особенно если в них содержится приглашение на бал.

Измазываясь в грязи еще больше, я карабкалась по склону холма, пока не оказалась на достаточном расстоянии, чтобы меня не заметили из кареты. Затем, продравшись сквозь заросли лоз, перебежала дорогу — висевший на поясе кролик неистово бился о бедро — и юркнула в лазейку в лавровой изгороди.

Нечего и говорить, что моим дочерям ходить в лес было запрещено.

ГЛАВА 2

До появления траурной каймы под ногтями пальцы мои украшали драгоценные камни. А до того, как на лице проступили морщины, на нем отражалась радость. Но все это было давно. Большинство своих драгоценностей я распродала. За радость, увы, цену не назначишь. Но если бы радость все-таки могла служить товаром, я бы продала всю имеющуюся у меня — все, что от нее осталось, — ради дочерей, Розы и Матильды. (На ум сразу же приходят несколько образов. Две пары смешных косичек. Родинка на икре. Шрам у Матильды. Длинные тени от детских ресничек. Мельчайшие детали, по которым рисуется целое.)

Меня зовут леди Этельдреда Верити Изольда Тремейн-Брэмли. Чужак в лесу наверняка принял меня, всю перепачканную, в заношенной одежде, за простую крестьянку. Однако, пускай с землей я знакома не понаслышке, еще с раннего детства, он ошибся.

Отец мой был пивоваром — ремесло почтенное, но от знатного сословия все же весьма далекое. Тем не менее пивовары зарабатывают достаточно, чтобы их дочери — разумеется, вместе с приданым — считались достойной парой для землевладельцев. Вот только дворян в наших краях было раз-два и обчелся, так что возвраща-

Хоххаузер Р.

Х 86 Леди Тремейн : Золушка и мачеха : конец старой сказки : роман / Рэйчел Хоххаузер ; пер. с англ. Д. Попова. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2026. — 480 с. — (The Big Book).

ISBN 978-5-389-31195-4

Бедная сиротка и суровая мачеха, бал, где неожиданная гостя танцует с принцем весь вечер... Эту историю знает каждый. Но что, если ее расскажет тот, кто прежде был лишен права голоса?

На виду дворянский титул и фасад величественного поместья, за закрытыми дверями — три девушки на попечении, долги и бытовые тяготы. Леди Тремейн привыкла поддерживать видимость блестящей жизни, ведь иначе будущее детей не устроишь. Две родные дочери, засучив рукава, наравне с матерью меняют постельное белье, шьют одежду и собирают урожай. А падчерица, витающее в облаках создание, никак не может — или не хочет — приспособиться к суровой действительности. И тут в королевском дворце затевают грандиозный бал. Говорят, на нем принц выберет себе невесту, а значит, такой шанс упускать нельзя. Но зовут на праздник лишь падчерицу. Леди Тремейн намерена любым путем добиться приглашения и для родных дочерей — уловками ли, унижениями, продажей последних ценностей, ей ни к чему не привыкать. Вот только она даже не подозревает, ради чего на самом деле устраивают бал. А главное, не подозревает, какую цену придется заплатить за столь желанное благополучие своих девочек — всех трех.

Впервые на русском!

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

РЭЙЧЕЛ ХОХХАУЗЕР
ЛЕДИ ТРЕМЕЙН
ЗОЛУШКА И МАЧЕХА:
КОНЕЦ СТАРОЙ СКАЗКИ

Ответственный редактор Евгения Бессонова
Редактор Ирина Беличева
Художественный редактор Татьяна Павлова
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректоры Наталья Бобкова, Ульяна Смирнова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 29.09.2026.
Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 29,4. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» — обладатель товарного знака АЗБУКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ — АЗБУКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА» в г. Санкт-Петербурге, 195112, Санкт-Петербург, Малоохтинский пр-т, д. 68 Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru	Санкт-Петербург қ., «АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы, 195112, Санкт-Петербург, Малоохтинский даңғылы, 68-үй Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы
мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <https://certification.atticus-group.ru/>

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в Обществе с ограниченной ответственностью
«Можайский полиграфический комбинат»
143200, Россия, г. Можайск, ул. Мира, 93.
www.oaompk.ru, тел.: 8(49564) 28-619

Y-ABB-48420-01-R